

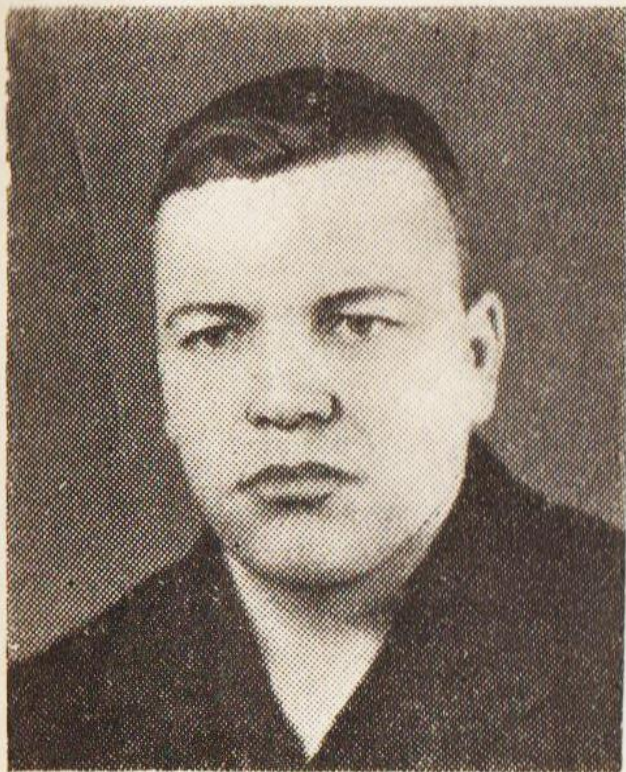
В. БАЯНОВ

ЮСЫ

УЎБАСС ЛИТЕРАТУРНИЙ

1963

Сборник стихов Виктора Баянова «Росы» открывает собой серию «Кузбасс литературный», выпускаемую с 1963 года Кемеровским книжным издательством. В серии будет представлено творчество кузбасских поэтов и прозаиков.

Виктору Баянову 28 лет. За плечами — трудное военное детство, короткие годы учебы, армейская служба.

В. Баянова часто называют в Кузбассе «рабочим поэтом»: его профессия — машинист паровоза. Но в этих словах нет никакой скидки на непрофессиональность его стихов.

В. Баянов — лирик. Задушевные стихи поэта доходят до самого сердца.

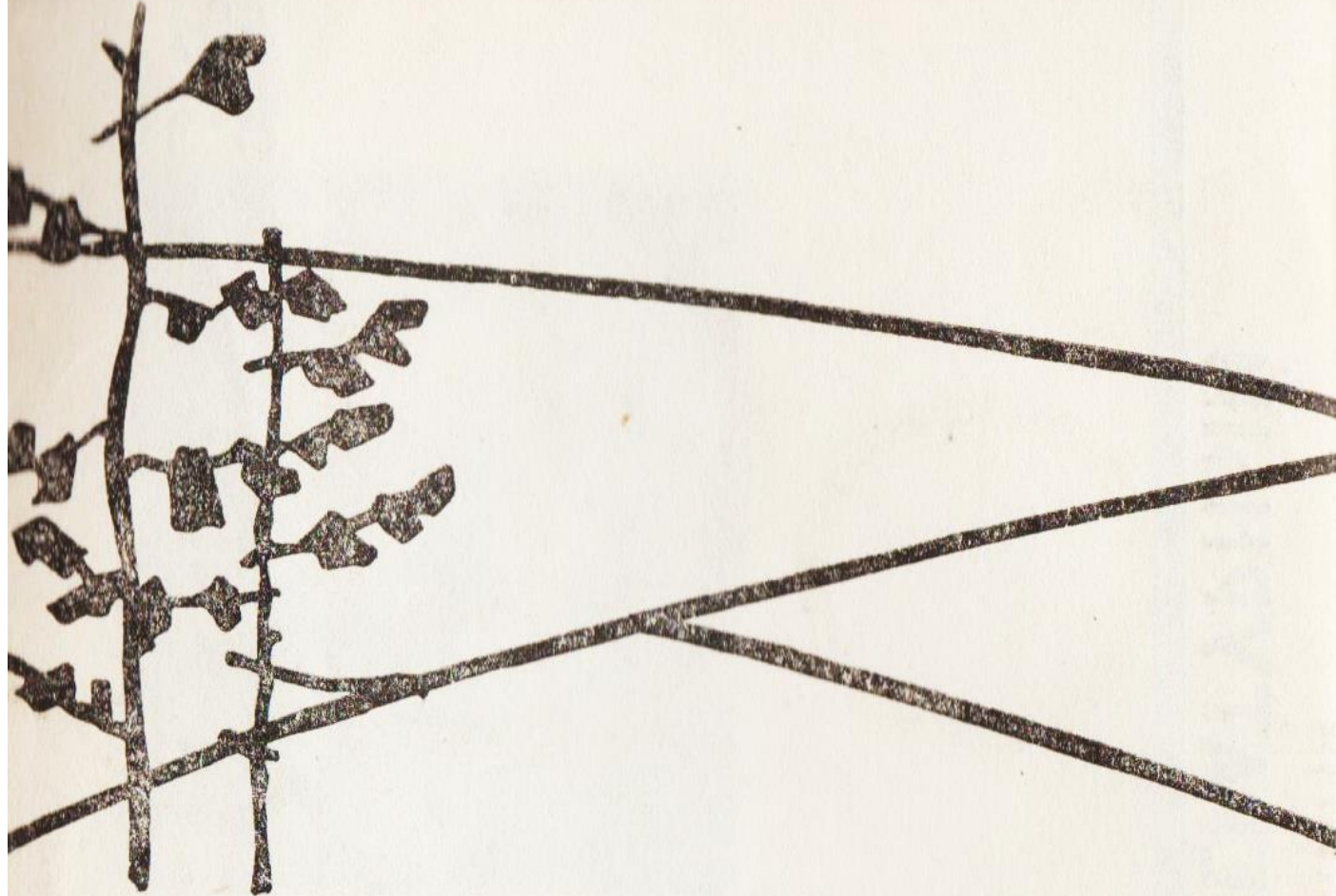
Р2
Б-34

КУЗБАСС ЛИТЕРАТУРНЫЙ

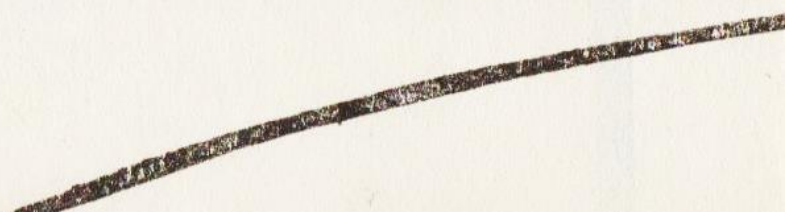
РСФСР
ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ
"КУЗБАСС"
ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА

6894

1

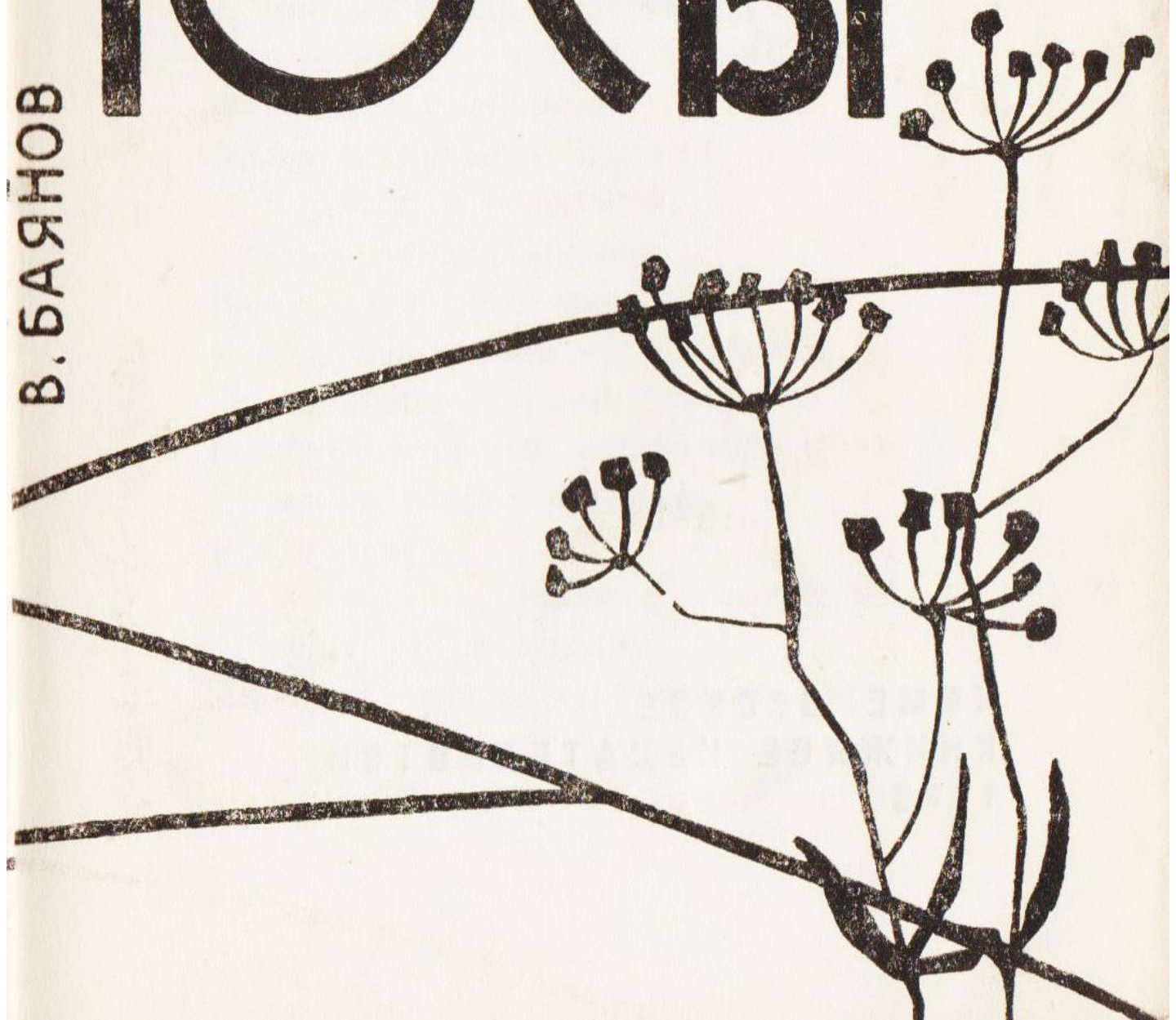

РОСЫ

В. БАЯНОВ

РОСЫ

Художник В. Мязин

**КЕМЕРОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1963**

От русской утренней земли.
Где молодые травы косят,
Где клевер пахнет и цветет...
Она нигде меня не бросит
И никогда не подведет.

Отлично

НОВЫЕ ВЕНИКИ

Как в нашем краю
С песенной славой
Гостил июль,
Хмельной да кудрявый,
Буйным ростом
По сорочьим рощам,
По широким нивам
Хлебным наливом,
По логам, по мыскам
Запахом ягод,
А по женским рукам —
Уймою тягот.
Тут-то председателю дед Мосей
Как-то сказал при деревне всей:
— Нам, председатель, выкрой день
Не потому, что работать лень,
Не потому, что глаза ест пот
И в день сей родился апостол Петр.
Нет! Другую причину пиши.
Причина одна — утоление души.

Мосей не ропщет,
Мосей не смят, —
Слышишь, по рощам
Веники шумят...
...Ах вот он каков --
Лесной праздник!
Сотня целая платков,
Самых разных.
От стара до мала
Веники ломают.
Столько навязали —
Хоть вози возами.
Здесь и этот и тот --
Все село вроде.
Кто по веники, а кто
Побыть на народе.
Девчата — одни.
В глазах огни.
Пришли дуброве
Показать брови,
В березки, в осинки
Обновить косынки.
Статные, ладные,
До любви жадные.
Красивей искать --

Только время терять...
Иду я с ношею весомой.
Недалеко и до двора.
Мне жаль, что день прошел веселый,
Но знаю я: придет пора,
Когда засвищут не синицы —
Метель забьется о плетень.
Мне часто-часто будет сниться
Березовый июльский день.
И будут сельские просторы
Опять в глазах моих рябить,
И песня слышаться, которой
Ни разлюбить, ни позабыть.

* * *

Мы в детстве смотрели немое кино.
С утра мы у клуба торчали.
Без денег в кино не пускали, но
Шапчонки нас выручали.
Свою отдавал я, чтоб в зал попасть.
Ее — моя мама шила.
И я за нее всю первую часть
Крутил динамомашину.
Я первый крутил. Я сначала сидел,
Лихую показывал хватку.
Потом я вставал,
Потом я хотел
Забросить к чертям рукоятку.
Но очередь ждали друзья на полу,
Что был угрожающе шаток.
И кучей лохматой лежали в углу
Двенадцать мальчишеских шапок.
Я бросить не мог, свою слабость кляня,
Не мог показать, что робею.
Ведь многие были поменьше меня

И были, конечно, слабее.

Я смену сдавал в рубашонке сырой,

Мне шапка обратно вручалась.

И только тогда, уже частью второй,

Кино для меня начиналось...

Не то теперь время.

Не то село.

Я думаю очень часто,

Что в жизни и детство мое прошло

Пропущенной первой частью.

МАЛЬЧИШКИ ПЛАЧУТ РЕДКО

В двенадцать лет мальчишкам редко
Туманит ясные глаза
Текучая, как наша речка,
Солоноватая слеза.
Они любую неудачу
Перенесут, крепясь, тайком.
Они не чаще взрослых плачут —
Мужчины в возрасте таком...
Теперь и мне болящей ранкой
Напомнит сердце иногда
Те, на картошке и саранке,
Полусиротские года.
Я за войну привык к заплаткам, —
Обнов выпрашивать не смел
И путал горькое со сладким,
Поскольку сладкого не ел.
Слез и тогда не замечали,
Когда меня, а не других,
У речки вечером встречали
Мои тогдашние враги.

Я рос характером — железом,
С закваской песенной в крови.
Лишь не хватало дозарезу
Отцовской ласки да любви.
И вот, нежалостливый с виду,
Тогда, в разгар войны самой,
Я привязался к инвалиду,
Что насовсем пришел домой.
Я перенял его осанку,
И — хоть гляди, хоть не гляди —
Медали из консервной банки
Звенели на моей груди.
Однажды я, светлея бровью,
С любовью, что отцу берег, —
С большой мальчишеской любовью
Перешагнул его порог.
Но он своим игрушки ладил
И развлекал их день-деньской.
Но он своих детишек гладил
Перебинтованной рукой.
Свистульки вырезал из ветел,
Давал им птичьи голоса.
Меня ж он так и не заметил
За долгих-долгих два часа.
И я ушел с его крылечка,

И грает горн.

Какая в звуках сила!

Я в этот мир не открывал дверей:

Война тогда навек меня лишила

Веселых пионерских лагерей.

Сорочки гнезда, в рощах по березам,

Я не зорил с ватагой озорной.

Я был уже зачислен копновозом

В бригаду Аграфены Кузьминой...

Стоит в глазах разбитая повозка

На дне полужасохшего ложка.

И надо мной лицо желтее воска —

Сережки, закадычного дружка...

Но выжил я, чтоб в эту жизнь вглядеться,

Чтоб увидеть огни далеких трасс.

И радость, незнакомая мне в детстве,

Теперь в крови ликует всякий раз —

Когда хороший стих родится трудно,

Когда стрижи, как молнии, снуют;

Когда над миром золотые трубы

О чьем-то детстве солнечном поют.

* * *

По малину за селенье
Мы уходим напрямиком.
Я готов на край вселенной
За своим проводником.
Я спросил ее: — Ты шорка?
— Да, тайга мой дом, мой кровь
И косынкою из шелка
Отгоняет комаров.
Пни стоят в траве, как стулья,
А она — вперед, вперед, —
Словно чуткая косуля
По тайге меня ведет.
И малине и Марине
Наливаться, медоветь.
За Мариной по малине
Пробираюсь, как медведь.
Берестовая корзинка
Вскоре стала тяжела,
И зеленая косынка
Сверху ягоды легла.

Я прилег, как будто в доме,
Под развесистой сосной,
Закружилась в легкой дреме,
Понеслись передо мной
То деревья в смутном гуле,
То речные берега,
То Марина, то косуля,
То малиновы лога.

2 Росы

РСФСР

ИЗДАТЕЛЬСТВО ГАЗЕТЫ

„КУЗБАСС“

ОРГАН КЕМЕРОВСКОГО ОБКОМА

Сторона любимая, приметная.
У тебя приметы есть предметные.
Только мне им верить не приходится —
Все они изменчивы, как водится.
Где-то есть такие ж зимы с веснами,
Где-то есть такие ж кедры с соснами,
Горы есть со снеговыми шапками,
И поселки — с трубами и шахтами.
Только нет нигде чего-то главного,
По цене одной лишь жизни равного,
Очень близкого чего-то, очень местного,
Только сердцу одному известного.
Стоит лишь откуда-то вернуться,
Как готово сердце захлебнуться.
Весь мой век такое с ним случается.
Пробовал унять — не получается.

ТОМЬ-РЕКА

Твои волны густы —
Гребнями, гребнями.
По преданиям ты
Древняя-древняя,
А в глубинах, средь дня,
Будто кем велено,
Как в глазах у меня —
Зелено-зелено.
Не устала, спеша,
Биться и пениться.
Сестра Иртыша,
Ангары соперница.
Ты себя не берегла,
Ленью не позорилась!
Погляжу — берега
Каменно-мозолисты.
То залив, то рукав,
Ветерки рыскают...
Дорогая мне река,
Самая близкая.

БОР

Бор разлегся нестари
Косматою медведицей.
Крикни или выстрели —
Издали ответится.
Двигаться боязно
Прогалинами редкими.
Кланяешься поясно,
Не то исхлещет ветками.
И смотришь, мраком залитый,
Усталостью подкошенный,
На этот гордый, замкнутый, —
На этот бор нехоженный.
Что в росте, что порушено —
Здесь рождено и прожито.
Не взято, не подслушано,
Ни у кого не спрошено.
И хочешь обязательно
Взять в свое обличие
Его самостоятельность
И гордость, и величие.

* * *

Я видел журавлей косяк,
Я видел на цветах росу.
Опять охотничий рюкзак
Пустым с охоты я несу.

Передо мной квадрат ворот
И дерном крытая изба.
И струйку дыма в небо льет.
Над ней беленая труба.

А сердце там, у сосняка,
Где брови черные дугой
И губы дочки лесника,
Насквозь пропахшие тайгой.

ДОБРАЯ ЗАВИСТЬ

Я счастлив: я среди людей,
Больших затей, больших идей.
В их каждой мысли — новизна,
В делах гудящая весна,
Когда мечтам, как стаям птиц,
Нет горизонтов и границ.
Мне чувствуется в их кругу,
Что, как они, я все могу.
И что я равный среди них,
Что жизнь я знаю не из книг..
Что я не робок, не смешон,
Что я всеведущ и смышлен.
И это чувство, может быть,
Мне помогает верно жить.
И, не таясь, я на виду
За ними, сильными, иду.
За их судьбой, за их мечтой
Исполнен зависти святой.

ВЕСЕННЕЕ

Наконец-то стала даль ясна.
Не до книжек стало, не до сна.
Только чаще хочется запеть,
Только всюду хочется успеть.
Видеть, как в строительных лесах
Город молодеет на глазах...
Мы с тобою у Томи-реки,
Где шальные бродят ветерки.
И стоишь ты на горе крутой,
Как второе солнце надо мной.
Вот ты улыбаешься. Кому?
Нет, не догадаюсь, не пойму —
То ли свету белому всему,
То ли мне на свете одному.

Не проченый, не суженый,
Но ведь тебе несу же я
И запахи цветочные,
И строки полуночные.
Где ты пройдешь Россию,
Там сразу все красивее.
Как будто в скверах, в зданиях.
И речки очертаниях,
В туманах, зорях утренних,
В лугах, цветами убранных,
Незримо ты растаяла
И часть себя оставила.
Ни на кого не сетуя,
Я за тобою следую.
Встревоженный, разбуженный,
Не милый твой, не суженый.
Пойми меня, пойми меня:
Мне б звать тебя по имени
Да с легкою, как облако,
С одной тобою об руку
По этой жизни следовать
И зимовать и летовать.

* * *

Дождь перестал, как по указке,
Прогнозам всяким вопреки,
И радуга, коль верить сказке,
Тянула воду из реки.
Потом и радуга потухла.
А от дороги в стороне,
Сняв парусиновые туфли,
Девчонка шла навстречу мне.
Идет себе, косынкой машет,
А в пальцах ног ее босых
Навязли звездочки ромашек
И колокольчиков степных.
Она в тот час, любуясь дивным
Искусством птичьих виражей,
Среди цветов, умытых ливнем,
Была и чище и свежей.
А птицы пели, прославляя
Косы нехитрое витье,
Но не открыли — кто такая
И как по имени ее...

Пусть встреча та — обычный
случай.

Мне не сулящий ничего.

Но я с надеждой самой лучшей

Жду повторения его.

СТРЕЛОЧНИЦА

То прожужжит дрезина пчелкой,
То поезд мчит длиной с версту.
С бровями черными девчонка
Стоит на стрелочном посту.
Пускай зима метели гонит,
Пускай мороза зол ожог —
Рука не дрогнет, не уронит
Как факел поднятый флажок.
Пройдет состав — и сердце радо.
Который год,
Который раз,
Вот так идут
До Волгограда,
На целину, на Томск, на Братск.
И вольно сердцу биться часто
От сумасшедшей быстрины
И чувствовать себя причастным
К большим делам большой страны.
Пройдет состав, промчит со свистом —
И разрумянится она

От той улыбки машиниста,
Что только ей подарена.
Клубится дым над перегонном
И над лесною полосой,
И долго смотрит вслед вагонам
Девчонка с темною косой.

В СУМЕРКИ

Год назад стоял такой же вечер,
Так же были сумерки густы.
Неуемный работяга-ветер
Обдирал заречные кусты.
Как обломок золотого перстня,
Месяц чуть поблескивал в воде.
И бродила за кустами песня.
Я такой не слыхивал нигде.
Видно кто-то был душою болен,
Словно от кого-то сразу, вдруг,
В поздний час, вот этим самым полем
Навсегда ушел хороший друг...
Вспоминаю вечер тот полынный,
Всматриваться в сумерки устав.
Пахнет то ли горькою калиной,
То ли соком молодых отав.
В колее осенней вязнут ноги.
И — не знаю, тот или не тот —
За кустами голос одинокий
Все зовет кого-то и зовет.

ВЕЩМЕШОК

Уже потертым и помятым,
Пробитым потом дочерна,
Его мне вместе с автоматом
Когда-то выдал старшина.
Вручил, широкий непомерно,
Ни слова не сказав о нем,
Прошедшем сотни километров
И под дождем и под огнем.
От тех парней, что с ним расстались
И взять с собою не могли,
Крупинки пороха остались
Да крошки хлеба и земли.
В то время, ставшее преданьем,
По долгим дням и по ночам
Он был хорошим испытаньем
Мойм мальчишеским плечам.
Оно прошло.
Я не жалею,
Что неуклюжим стал в ходьбе,
Что часто плечи тяжелеют

Теперь уж сами по себе.
Но только, как весна настанет,
Иль первый выпадет снежок,
Меня опять в дорогу манит
Видавший виды вещмешок.
И, может, с ним, висящим кротко
На ржавом кухонном гвозде,
Пойду я прежнею походкой
Скитаться от звезды к звезде.
Мне ничего не надо в небо.
Всего возьму с собою я —
Щепоть земли,
Буханку хлеба
Да пару чистого белья.
И так уйду.
А через годы,
Когда и жизнь моя пройдет,
Мешок опять, узнав походы,
Кому-то в руки попадет.
И в нем, истрепанном по кромке,
Прошедшем миллионы верст,
Отыщут, может быть, потомки
Осколки самых дальних звезд.

* * *

Его я знаю с самого детства...
Он ростом от меня не отстает.
Как он идет!
Нет, это видеть надо,
Как он с работы первый раз идет.
Он руки обтирает как-то нежно,
Совсем не загрубелые еще,
И старенький, красиво и небрежно,
Пиджак наброшен на одно плечо.
Он о заводе говорит толково, —
Совсем, видать, забыв об остальном, —
Вдруг открывая многое такое,
Чего вчера не замечали в нем.
И, вызывая добрые улыбки,
Руками, что пока еще слабы,
Он пробует, крепки ли у калитки
Отцом когда-то врытые столбы...
А я иду.
Вдали — огней свеченье.
Припомнилась и мне моя заря,

И трудовое первое крещение,
И ясная погода сентября.
Еще — друзей завистливые взгляды
И то, как шел домой, вовсю спеша,
И то, как мать мне посреди ограды
На руки поливала из ковша.

МАЛЬЧИШКИ

В бригаде всего их трое
Из тех, очень юных ребят,
Что плачут от боли порою,
А девушкам только грубят.
Из тех, на простор выходящих,
Что только взяли за гужи.
И к ним обращаются чаще:
— Поддай. Поднеси. Подержи.
Несмелы еще в разговоре,
Еще говорят невпопад
И вечно в цементном растворе
От самых ушей и до пят.
У них бригадир прямодушен,
Ворчит, папирсой дымя,
Мол, глаз мне да глаз еще нужен
За этими вот, за тремя.
Они еще в самом начале,
Их бурной рекой понесло.
И где оно в жизни причалит,
Нечетное это число?

У СТАРОЙ КРЕПОСТИ

Нелегкою была дорога.
Но не спеша на отдых в чум,
Смотрел на крепость из-за лога
Подслеповатый хан Кучум.
Забыв красивых полонянок
И зло доспехами звеня,
Он без привалов и стоянок
Под эти стены гнал коня.
В болоте где-то плакал чибис,
Рвались о горы облака.
И гневно ханские ичиги
Впивались в конские бока.
Визжал он у коня над ухом:
— Смести, чтоб не было следа!
Чтобы не пахло русским духом
В Сибирском царстве никогда!..
...Стою у крепости у старой,
Где на бойницах — пыль веков.
Нет, не сломили здесь татары
Дух вольный русских казаков.

Он жил, он пел, он дрался стенкой
И под набатный вещий звон
Он тосковал, он пил и Стенькой
Шатал он грозно царский трон.
И, не страшась расправы дикой,
Не замолкал он, не немел, —
Он революцией великой
Над всей Россией прогремел.
И нынче не в ущелье узком,
Не за стеною на скале —
Все крепче пахнет духом русским
По всей проснувшейся земле.

* * *

В стороне от проезжих дорог
Цвел околок — степной островок.
Родниковый царил холодок,
Да палаточный был городок.
Там горели костры-таганы.
Там коптили бока чугуны,
Звали запахом каши и щей
Трактористов и плугарей.
Парни шумно смывали мазут,
И парням этим птицы на суд
Выносили искусство свое,
Прославляя весну и житье.
Но однажды исчез городок,
Росным утром оставив следок.
Уводил он, меж балок юля,
Далеко на другие поля.
Только след человека пропал,
Как опять одичали кусты.
И окрестный пейзаж потерял
Половину своей красоты.

УЗКАЯ ГРИВА

Узкая грива,
Узкая грива,
Бурьян торчком,
Пшеница — ничком.
Вширь измерялась бедная нива
Заячьим, длинным, легким скачком...
Давно уж деду ветры не дуют,
Давно не поют перепелки в овсе,
Только названье еще бытует,
Что дал он когда-то своей полосе.
Выйду в поле, волненьем тронут,
Места ли не те,
Приметы ль не те —
Ноги будто в перине тонут
В теплой, лоснящейся черноте.
Стой и любуйся на это диво,
Стой и пространство взглядом вбирай.
Узкая грива,
Узкая грива,
Где же конец твой,
Где же твой край?

ГОРА ВЕТРОВ

Над призрачной таежной синью,
Над томной Томью и Усой,
Гора, как будто обессилев,
Свернулась рыжею лисой.
И, приглушая крик и выстрел,
Траву срывая налету,
Там ветры носятся со свистом
По оголенному хребту.
Где грозно грозы назревают
Над красотой кедровых крон,
Чернеет камень ноздреватый,
Обветренный со всех сторон.
Не раскрошить его руками,
Не разломить, не разрубить.
Остался чистый твердый камень—
Такой, каким он должен быть.
Каким века прожить он должен.
А все гнилое — в пропасть, в ров...
Давай и мы, мой друг, подольше
Пробудем на горе ветров.

* * *

Города промелькнули вехами
И речушка Иня.
Мальчуганы в Мысках орехами
Угощают меня.
А чубы у мальчишек — белые,
Шелковистые льны.
А орехи еще не спелые,
Зеленым-зелены.
Но гримасы совсем не корчу я, —
Обижать не привык,
Хоть во рту у меня от горечи
Костенеет язык.
Мы словами, пускай не четкими,
Говорим обо всем.
И от смеха
 льняными челками
Упоенно трясем.
Ем я горечь, забыв ненастья все,
И прошу я еще.
Так легко мне, легко. И на сердце
Хорошо-хорошо.

СТАРЫЕ ПЛОТНИКИ

Они еще воюют с бедами,
Не поддаются до поры.
Еще отточенные дедами
Не затупились топоры.
Недавно пенсия получена.
Так что ж, сидеть?
Свой двор мести?
И им правлением поручено
Чинить колхозные мосты.
Забудешь речку с вязкой тиной
И аромат земных паров,
Забудешь все, любуясь дивною
Работой старых мастеров.
Застынешь молча у обочины,
Глядишь — как яростно в брусок
Врубается топор отточенный
От сапога на волосок.
Идешь — приветят подобающе:
С собой на свае примостят,
Достав зеленый, с ног сшибающий

В больших кисетах самосад.
И, не спеша, на темы местные,
Рассевшись будто бы на час,
Им разговоры интересные
И начинать бы в самый раз.
Но увидав, как с грузным кузовом
Машина тронулась в обезд,
Они потупятся конфузливо
И подниматься станут с мест.
Докурят самокрутки с жадностью,
Чуть виноватый примут вид —
Мол, извини, дружок, пожалуйста,
Работа срочная стоит.

* * *

У станции — цветов, каких угодно.
Я не спеша красу земную рву
И думаю наивно, что сегодня
Я без волнений всяких проживу.

Но на перроне шлак хрустящ и порист,
Но график, как всегда, неумолим,
А женщина торопится на поезд
Со стареньким баульчиком своим.

В ее глазах, невыразимо синих,
Какой-то робкий и тревожный свет.
И я спокойным быть уже не в силах
И все смотрю — успела или нет.

— • —

СОСЕДКА

Она держала слово свято,
Писала письма каждый день.
Напрасно приезжали сваты
Из трех соседних деревень.
И мы узнали невезенье,
В ее глазах не видя дна,
Как будто приворотным зельем
Плескалась их голубизна.
Она смотрела удивленно
И оставалась ничьей,
Улавливая отдаленно
Смысл наших взглядов и речей.
Одна ходила на прогулки —
За это скоро про нее
По всем плетневым переулкам
Пустили грязное вранье.
Увидев вечером, с утра ли,
Мстя неподатливой душе,
Невозмутимо привирали
К тому, что наврано уже.

И бабы галками галдели,
Придя к колодцу за водой.
И слишком пристально глядели
И вслед качали головой.
Она же,
Бедная, не зная,
Кому дорогу перешла,
Была всего лишь молодая,
Всего — красивая была.

ПОЛИНА

Окно. Палисадник. Ограда.
Над крышей поют провода.
Я, может быть, реже, чем надо,
Но все-таки езжу сюда.
Хожу мимо этого тына
И думаю все: отчего ж,
Живешь ты, как прежде, Полина,—
Совсем одиноко живешь.
Мне спеть бы про школьные парты,
За то их сердечно виня,
Что ты со второго по пятый
Была ближе всех от меня.
Я думал, любуясь разлетом
Твоих золотистых бровей,
Что есть в твоём имени что-то
От наших бескрайних полей...
Идешь ты с работы, Полина,
В пустой и безрадостный дом.
И что-то от горькой полыни
Я в имени слышу твоём.

ВСТРЕЧА

Сучки, как будто бородавки,
Торчат в наскобленном полу.
Смолой сосновой пахнут лавки.
Подбелка свежая в углу.
В окно раскрытое заметней,
Как листья кружат во дворе.
Сама ж хозяйка в самой летней
И наливной своей поре.
Я шумно воду пью из кружки
И не в окно смотрю — левей,
Как гнутся тоненькие дужки
Почти девических бровей.
От них былому не начаться.
Они подковками легли.
Их брали многие на счастье,
Но счастья с ними не нашли.
Заглохла и моя обида.
Мне жаль их тоненький изгиб,
Но я, не подавая вида,
Спокойно вышел из избы.

А на крыльце, вздохнув свободно,
Я сквозь какой-то странный звон
Подумал: женщине сегодня
Приснится светлый-светлый сон.
Приснится осень, листьев шорох,
И кто-то из забытых лиц,
И стук мужских шагов тяжелых,
И скрип тесовых половиц.
Она проснется, выйдет в сенцы,
Поймет, что это снов игра.
И одиноко, с болью в сердце,
Всю ночь проплачет до утра.

РОСА

За пределами российскими
Все века живет молва,
Будто самая росистая
По утрам у нас трава.
Будто, смяв былинки хрусткие,
На заре ногой босой
Для красы девчата русские
Умываются росой.
Будто в пору сенокосную,
Коль любовь в груди крепка,
На отавы ходят росные
Женщины до сорока.
Что ж, молва не знает пристани,
И слова плывут, плывут.
Видно, вымысел и истина
Вечно рядышком живут.
Ведь и сам не раз я видывал
В росах женщин пожилых.
И любви их завидовал
И наивной вере их.

Но ни разу не обмолвился —
Не вернуть, мол, вам красы:
Пусть все люди верят в молодость,
В свойства чудные росы.

БАБЬЕ ЛЕТО

Не скажет дорожная лента
И птицы, что в роще живут,
За что это красное лето
Давно уже бабьим зовут.
Печально и неистребимо
Живет на Руси испокон
Пора возвращенья любимых
Из дальних походов и войн.
Ждет женщина мужа до снега,
А где-то — лишь хрустнет шелом,
И конь
За конем печенега
С пустым понесется седлом...
А жизнь уже снова и снова
Полями сражений идет.
Вот женщина ждет — с Куликова,
А вот — с Бородинского ждет.
И матери наши недавно
Чуть что — выходили из хат
И грустные, как Ярославна,

Смотрели на ясный закат.
Смотрели с надеждой во взгляде,
Верны на всю жизнь одному...
Вот лето, наверное, бабьим
У нас и зовут потому.
Прощальное светлое лето
С кипеньем листвы на кустах.
А может, придумал я это?
А может, все это не так?
Но женщины вдаль из-за тына
Все смотрят, привстав на носки,
Ложится дымком паутина
На их молодые виски.

САЛАИРСКИЕ СОЛОВЬИ

Салаир,
Салаир,
Горы с дымкой и лающим эхом.
Так и слышатся мне соловьи
В поэтичном названии этом.
Думал я: среди горных громад,
Молодые сердца будоража,
Соловьи там гремят и гремят
По всему Салаирскому кряжу.
Только встретился я с тишиной,
И она меня насторожила.
В переулках, большой и смешной,
Останавливал я старожилков.
Прямо спрашивал и намекал, —
Соловьи, мол, поют ли ночами,
А они удивлялись слегка
И в ответ пожимали плечами.
Лишь у дома, где нечему цвести,
Где деревьев совсем было мало,
Мне девчонка ответила: — Есть.

Я сама его слышала в мае.
Было звездно и было темно,
Все цвело. Месяц был на ущербе.
Он ко мне прилетел под окно
И запел, заливаясь на вербе.
Только дед разозлен этим был,
Говорил: «Греховодные птицы»
И на завтра все вербы срубил,
Чтобы негде им было ютиться...
Я гостил у тебя, Салаир,
Не проеду и в будущем мимо.
Как поют там твои соловьи
Мне услышать необходимо.
Есть они.

Я пойду за реку,
Я все горы шагами измеряю.
Я не верю тому старику,
А улыбчивой девочке — верю.

Всегда друзей, бывая в отпуске,
Встречаем здесь, а не в Крыму.
Пусть путь за нами длинный

тянется,

Но здесь нам верится легко,
Что все мы — на начальной
станции,

А до конечной — далеко.

СОДЕРЖАНИЕ

Моя земля	5
Новые веники	7
Мы в детстве смотрели немое кино	10
Мальчишки плачут редко	12
Играет горн	15
По малину за селенье	16
Цветы	18
Сторона любимая, приметная	19
Томь-река	20
Бор	21
Я видел журавлей косяк	22
Добрая зависть	23
Весеннее	24
Не проченый, не суженый	25
Дождь перестал, как по указке	26
Стрелочница	28
В сумерки	30
Вещмешок	31
Его я знаю с самого детсада	33
Мальчишки	35
У старой крепости	36
В стороне от проезжих дорог	38
Узкая грива	39
Гора ветров	40
Города промелькнули вехами	41
Старые плотники	42

У станции — цветов, каких угодно	44
Соседка	45
Полина	47
Встреча	48
Роса	50
Бабье лето	52
Салаирские словыи	54
В деревне	56

Виктор Михайлович Баянов

«РОСЫ»

СТИХИ

Общественный редактор В. Махалов
Художеств. редактор О. Красова
Техн. редактор З. Герасевич
Корректор Е. Тимощук

Сдано в набор 26/XII-62 г.
Формат бумаги 84×108/64.
Подписано к печати 26.III.63 г.
Печ. л. 1,54. Уч.-изд. л. 1,5
Тираж 3000 экз. ОП02165.
Заказ № 9467. Цена 8 коп.

Кемеровское книжное издательство,
Кемерово, ул. Кирова, 26.
Типография «Кузбасс», г. Кемерово,
Кузнецкая, 9.

Цена 8 коп.

КЕМЕРОВО 1963